

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

О ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО ПЕЛА И СВЕТИЛА...

* * *

Никто не косит чёрные бурьяны.
По всей округе — тленье и распад.
Глядят сквозь ночь в тягучие туманы
Глаза пустых, забытых Богом хат.

И собранный по чьей-то дивной воле
В честь жизни той, что пела и цвела,
Стоит музей в безлюдном диком поле
На улице умершего села.

О жизни той, что пела и светила,
Ржаной косой пленив пределы стран,
Горят горшицам сонные светила,
Рубахам красным пляшет сарафан.

А у светца, где в пестром полушалке
Крестьянка-мать детей учила жить,
Соломенное чучело на прялке
Сучит судьбы таинственную нить.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске, закончила Смоленский педагогический институт. Работала в библиотеке, в издательстве и газетах. Автор книг “Золотые шары”, “Птицы в городе” и подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Растут в бурьяне племена другие.
И на могилах родины моей
У древних хат легко зовут Россией
От чужаков родившихся детей.

А ты всё ищешь правды и исхода,
Пока, дыша в затылок тяжело,
Других миров ненужная свобода
Летит с дождём в разбитое стекло.

И не смирившись с пагубой и тленом,
Музейный зритель родины своей,
В умершей хате споришь со вселенной,
Но лучшей жизни — не находишь в ней.

ЛАМПА ГАГАРИНА

Бродит смерть по военным дорогам.
Пахнет кровью в колодцах вода.
Догорает в землянке убогой
Керосиновой лампы звезда.

Над темнеющим Клушиным небо —
В чётких фарах немецких машин.
Над краюхою чёрствого хлеба
Плачет мальчик — Гагариных сын.

Он убогий фитиль керосинный
Выдвигает и стеклышко трёт,
И рассвет в его лампе старинной
Загорается, рдеет, растёт.

И великий огонь Алладина
В мир выводит из творческой тьмы
Звёздный космос, плывущий лавиной
Над фронтами военной зимы.

Спешно сходят на помощь солдатам
Силы Неба со звёздных орбит,
И Земля, как мерцающий атом,
За Победою к Солнцу летит.

В быстрой вспышке немецкой ракеты
Жерла танков ревут в никуда,
Что пределов для подвига нету:
“Я — Восток! Отзовись мне — Звезда!”

А в святых, чужедальных, венчальных
Снах — нельзя навсегда умереть.
И Сатурн над колодцем печальным
Всё горит и не может сгореть.

И вминают, буксуя, машины
Звёзды в грязь, вдоль воронок руля,
Чтобы стали однажды едины
Древний Космос и наша Земля.

* * *

...По ночам кажется, что развалины воют.

Федор Глинка

Когда отходил от соборов пылающих лях —
Развалины города выли на русских костях.
Вой гарей бездонных, детей обречённых глаза.
Всемирная сеча. Безбрежной войны голоса.

Снег в очи летел. Брёл к гибели Наполеон.
Немецкие танки сгорали в разрывах времён.
Летел над сугробами раненых воинов вой —
Вой ветра в трубе над отчизной, спалённой судьбой.

Я уши зажму в вековой роковой тишине.
Из каждого камешка жалоба слышится мне.
То воеет земля о великих и страшных судьбах.
То воют поля, порастая сосной, на гробах.

То облако воеет, и сходят солдаты с ума,
И в вое лесов партизанкою прячется тьма.
То баба о детях в разрушенной воеет избе.
То, сидя на угольях, воеет Господь о Себе.

А вещая песня — великою вестью красна.
Мы вновь побеждаем. И снова приходит весна.
Но Феникс горит, и сгорает в огне окоём,
И воют развалины в сердце бессонном моём.

* * *

Заревёт ли медведь, зазвенит ли рассвет, —
Тронет душу неведомый сон, —
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времён.

Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.

От Днепровских ворот в молодом сосняке
Пеплы войн на долины летят.
Треплет русые волосы в березняке.
Узнавающе шуруется взгляд.

Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это — глубже меня, это — долше земли,
Это знание безбрежно, как свет.

Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.
Всё пройдет и исчезнет — но я не боюсь
Раствориться в светающей мгле.

Не рыдай о прошедшем, а тропку приметь
Через гари — в страну старину.

Заиграет ли лось, заревёт ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.

Там, на просеке, чёрные тени лежат.
Гривы сосен от ветра дрожат.
И медведица-мать ревёт на закат
И выводит к Днепру медвежат.

ХОМА БРУТ

О, какие ужасные лица!
Ночь, как воск на огне, горяча.
На мгновенье посмеешь забыться —
Захлебнувшись, погаснет свеча.

Но читает Хома по псалтири,
Круг земной поджигая, как трут:
«Этот мир мы у тьмы отмолили
Лишь на несколько звездных минут».

Рассыпаются звёзды и царства,
Самолёты летят в никуда,
И в других временах и пространствах
Пропадают, свистя, поезда.

И двоясь между раем и адом
Средь kloкочущих бездн и времён,
Жизнь людская грехом и распадом
Пролетает, как атомный сон.

Вий раскрыл в телеполночи веки.
Сходит Гоголь от знания с ума.
Ты молись о земном человеке,
Ты держись до рассвета, Хома!

На рассвете у старой деревни
Выйдешь в поле из церковки ты.
Снова в мире отмоленном древнем
Над помойками всходят цветы.

Сыплет солнце излучины света
Над крестом в золотой высоте.
Промолись. Продержись до рассвета.
Миг — и крикнет петух на шесте.

* * *

Накопилась за годы усталость.
Подвела роковая стезя.
Глянesh в зеркало — много ль осталось?
Вечно жить в этом мире нельзя.

Успокоит посулом не ветер —
Полыханье неведомых сфер:
Вечно жил на сгорающем свете
Лишь отвергший Христа Агасфер.

Но не солнце небесного дара,
Как свободному мнилось уму,
Жизнь земная — как вечная кара
Долгой мукою снилась ему.

Я несу свою ношу, не зная
Потаенного смысла пути.
Но, страдая, Христу помогаю
Крест Его — до Голгофы нести.

И рождается в сердце беспечном
Невозможный и ясный ответ:
Если жить, то, конечно же, вечно —
И сомнения в выборе нет.

Что мне смерть, если дышат приветом
Жизнь моя и судьбина моя,
И твердит о бессмертье из Света
Бог спасенья и Бог бытия.

Если в млечном глубоком потоке
Лодка слушает чутко весло,
Там, где жизнью в начальном истоке
Все от крон до корней поросло.

